

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Г. ЗЫКОВ

Русская переделка древнеболгарского стихотворения

Древнеболгарские писатели с самого начала обнаружили отчетливое стремление к всестороннему овладению литературным опытом своих высококультурных соседей — византийцев. Замечательно, что уже на рубеже IX—X вв., в пору становления болгарской литературы, создаются и стихотворные произведения. К их числу относится широко известная «Азбучная молитва», принадлежащая перу выдающегося просветителя болгар Константина, епископа Преславского, и представляющая вступление к его сборнику воскресных поучений — к «Учительному евангелию».

«Пролог о Христе умерен» Константина (таково авторское название «Азбучной молитвы») — памятник, свидетельствующий не только о творческой одаренности его составителя, но и о высоком уровне начальной болгарской литературы, о ее связи с живой действительностью. Являясь в формальном отношении молитвенным обращением к святой Троице (Константин просит ее о творческом вдохновении, необходимом для написания «Учительного евангелия»), «Пролог» по существу — гимн «славянскому племени», которое, приобщившись к христианской цивилизации, успешно строит новую культуру и благодаря этому становится в один ряд с просвещенными народами мира.

Непосредственным образцом, которому следовал Константин, был, как ныне установлено,¹ азбучный акростих Григория Назианзина,² авторитетнейшего в кирилло-мефодиевской среде «отца церкви». Стихотворения сближают форма (азбучные акростихи), двенадцатисложное строение, местоположение цезуры (как правило, 5+7, реже 7+5); наконец, для обоих авторов не является нормой ударение на втором слоге от конца.³

Азбучные акростихи получили в византийской литературе широкое распространение.⁴ Большой популярностью пользовались они и у славян. Количество славянских сочинений подобного рода, именуемых в рукописях и в исследовательской практике обыкновенно «толковыми азбуками», вну-

¹ Е. Георгиев. 1) Кирил и Методий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, стр. 193 и сл.; 2) Кирил и Методий. Истината за създателите на българската и славянска писменост. София, 1969, стр. 249—250.

² Опубликован, см.: F. Migne. Patrologiae cursus completus, series graeca, vol. XXXVII. Paris, 1857, col. 908—910.

³ Ср.: А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. LXXXVIII, № 3, СПб., 1910, стр. 2—3.

⁴ Около 40 византийских азбучных молитв опубликовано Д. Н. Анастасиевичем, см.: D. N. Anastasijewić. Die paränetischen Alphabete in der griechischen Literatur. München, 1905.

шительно.⁵ Несмотря на то что они представляют интересное литературное явление, их изучение по существу только лишь начинается. Долгое время эти памятники не были предметом специального филологического анализа, дело в основном ограничивалось публикацией отдельных текстов,⁶ поисками новых списков «азбук», а также установлением их роли в обучении грамоте.⁷ Высказывавшиеся иногда при этом суждения о времени и месте возникновения, о литературной судьбе, об отношениях акростихов друг к другу основывались нередко на первых, а потому в большинстве своем случайных и поверхностных впечатлениях. В силу сказанного попытка рассмотреть, а тем более решить весь комплекс проблем, связанных с выяснением значения стихотворения епископа Константина в славянской письменности, в частности в становлении и развитии жанра «толковых азбук», была бы пока преждевременной. Исследователю, обращаясь к этой теме, по необходимости приходится быть очень осторожным: его выводы и заключения неизбежно будут носить предварительный, в значительной мере гипотетический характер.

Был ли «Пролог о Христе» первым славянским азбучным акростихом? Учитывая крайне неудовлетворительную сохранность книжного наследия славян, на этот вопрос, разумеется, нельзя ответить безусловно утвердительно. Вместе с тем мы не можем поддержать и гипотезу Ф. В. Мареша, прямо ставящую под сомнение приоритет Константина Преславского в утверждении этой литературной формы в славянской письменности. Предпринятые Марешем усилия связать с именем Кирилла Философа известную «азбуку» «Аз есмь всему миру свет»⁸ не могут быть признаны успешными. В первую очередь не следует, на наш взгляд, проходить мимо того обстоятельства, что ни один из источников по истории солунских братьев, в том числе их пространные жития, не содержит даже глухого намека на что-либо подобное составлению Константином-Кириллом азбучного акростиха. А между тем этот замечательный факт, имея он место на самом деле, вряд ли выпал бы из поля зрения славянских книжников, прежде всего биографов просветителей славян и черноризца Храбра.⁹

Утверждая мысль о раннем происхождении «азбуки» «Аз есмь всему миру свет», Ф. В. Мареш полагает, что стихотворение «было предназначено для глаголической азбуки», и особо подчеркивает, что в нем «все слабые глухие имеют право слога».¹⁰ Однако как глаголица, так и редуцированные в качестве слогаобразующих употреблялись не только в IX в., когда жил и работал предполагаемый Марешем автор акростиха, но и позже. С другой стороны, вызывает сомнения и ориентированность стихотворения (по меньшей мере в том виде, в котором оно дошло до нас)

⁵ А. И. Соболевский (Материалы и исследования... стр. 4) насчитывал их до 20. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 10—14.

⁶ Подробные сведения об изданиях приведены в статье Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» (ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 27—28, прим. 2).

⁷ В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря. (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI в.). — Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. 4, Л., 1958, стр. 239—254.

⁸ F. V. Mareš. Azbučna báseň z rukopisu státní veřejné knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningradě (Sign. Q.I.1202). — Slovo, Zagreb, 1964, № 14, str. 5—24.

⁹ Примечательно, что один из поздних редакторов «Сказания» Храбра счел необходимым дополнить сообщение об «устроении» славянского алфавита акростихом «Аз есмь бог». См.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку Отделения языка и словесности Академии наук, т. I. СПб., 1885—1895, стр. 303—305.

¹⁰ F. V. Mareš. Azbučna báseň... str. 24.

на глаголический алфавит. Во всяком случае Мареш не привел в подтверждение этого положения бесспорных доводов. Заключение о глаголическом протооригинале «азбуки» делается на той основе, что в ней предполагаются три стиха на букву «И». Но, во-первых, реконструкция, предложенная Марешем, в данном случае весьма сомнительна; во-вторых, сам факт существования в азбуке Константина-Кирилла трех совершенно самостоятельных буквенных обозначений для звука «И» не доказан.

«Пролог о Христе», отличающийся высокими поэтическими достоинствами, проникнутый глубоким религиозным чувством, получил признание в южнославянской и особенно в русской письменности и обеспечил себе почти девятивековую активную жизнь. За несколько столетий он распространился по всей территории древнерусского государства.

Высказывалось убеждение, что акrostих епископа Константина использовался в практических целях, в качестве учебного пособия для заучивания букв и их порядка при обучении грамоте.¹¹ Однако это утверждение беспочвенно. Не говоря уже о том, что «Азбучная молитва» «не оставила никаких следов в известных в настоящее время памятниках русской учебной книги»¹² и встречается лишь в сборниках церковно-религиозного содержания, по своему характеру она не могла удовлетворять нуждам «грамотного учения», ибо с момента своего появления не содержала полного перечня букв славянского алфавита. Предпринимавшиеся впоследствии робкие попытки пополнить этот перечень не дали заметного результата. Возникнув как поэтический пролог к «Учительному евангелию», как изощренная литературная форма, стихотворение и воспринималось славянскими книжниками в качестве таковых. Тем не менее мы, очевидно, вправе указать на генетическую связь многочисленных славяно-русских «азбук-границ» с сочинением преславского епископа. Будучи одним из первых (если не первым) азбучных акrostихов, оно помогло в становлении и оформлении этого вида учебной литературы, сыгравшего далеко не последнюю роль в приобщении наших предков к «почитанию книжному».

Из сохранившихся «толковых азбук» бесспорное и непосредственное воздействие «Пролога о Христе» обнаруживает лишь так называемый «Ярославский азбуковник» (или «Азбука покаяльная»), сохранившийся в значительном количестве русских списков, из которых наиболее ранний датируется второй половиной XIII в.¹³ Этот факт хорошо известен специалистам,¹⁴ поэтому нет необходимости на нем подробно останавливаться.

¹¹ См.: Е. Георгиев. 1) Началото на славянската писменост в България. София, 1942, стр. 80; 2) Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури, стр. 153; Е. Н. Медынский. История педагогики. М., 1947, стр. 303; и др.

¹² В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря... стр. 247.

¹³ См.: А. И. Соболевский. 1) Черковнославянските стихотворения от IX—X век и тяхното значение за черковнославянския език. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XVI—XVII, София, 1900, стр. 314—324; 2) Материалы и исследования... стр. 3—4, 13—17. Помимо списков, указанных А. И. Соболевским и В. И. Лукьяненко (К истории русского букваря... стр. 248—249), назову лишь списки из собрания Уварова (ГИМ), №№ 25 (лл. 16 об.—19 об.), 503 (лл. 33—34 об.), 778 (лл. 275 об.—277), 848 (лл. 417—419). Все они относятся к XVII в. См.: Леонид, арх. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, №№ 2093, 2087, 1892, 1894. Восстановленный текст Азбуковника см. также: Р. Якобсон. Заметка о древнеболгарском стихосложении. — ИОРЯС, т. XXIV, 2, Пгр., 1923, стр. 354—356.

¹⁴ См., например: Н. Н. Дурново. 1) Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, I, Praha, 1929, стр. 78 и сл.; 2) Мюнхенский абecedарий. — Известия АН СССР, 1930, № 3, стр. 215 и сл.; Е. Георгиев. 1) Началото на славянската писменост в България, стр. 76; 2) Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури, стр. 149, прим. 3.

Азбуковник состоит из 36 двустижий, буквенный его ряд почти целиком повторяет буквенный ряд «Азбучной молитвы».¹⁵ Бросается в глаза и текстуальное сходство стихов названных памятников. Ясно, что автор «Азбуки покаяльной» хорошо знал стихотворение епископа Константина и следовал ему как образцу.¹⁶

Принято думать, что «Азбука покаяльная» — памятник древнеболгарского происхождения, возникший, по словам А. И. Соболевского, в пору, «когда все древние Ъ, Ђ и Й еще существовали как гласные звуки и составляли слог», т. е. «никак не позднее конца X века»,¹⁷ и к тому же ориентированный на глаголицу. Подкреплялось это мнение в какой-то мере и убеждением, что русские книжники XI—XIII вв. не имели понятия о стихосложении. Однако никаких признаков азбуковника в южнославянской письменности до сих пор не обнаружено. С другой стороны, известно, что искусственное произношение редуцированных на Руси сохранялось и позже X в., в XI—XII и даже XIII столетиях.¹⁸ Знала древняя Русь и глаголицу. Что касается знакомства первых наших литераторов с правилами стихотворства, сознательного их использования, то это ныне можно сказать, установленный факт.¹⁹ Если учесть все сказанное, а также отсутствие черт, которые непременно указывали бы на Болгарию как на место сложения обсуждаемого акростиха, то категоричность традиционного суждения внушает некоторое недоверие. Иными словами, склоняясь в пользу болгарского происхождения «Ярославского азбуковника», мы не должны, до тех пор пока не будет проведен тщательный его анализ, исключать и другую возможность, тем более что памятник этот не вполне самостоятельный, а скроенный на манер «Пролога о Христе» Константина Преславского.

В богатой фактическим материалом и ценными наблюдениями работе Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» отмечается фразеологическая близость «Пролога о Христе» еще к одной «толковой азбуке» — «Аз преже о господе бозе начинаю вещати», которую они пытаются связать «с эпохой Кирилла и Мефодия и их последователей».²⁰ Исследовательницы полагают, в частности, что 8-й стих («Село бо закон его и свет стезям моим») «возможно даже... представляет собой стяжение и переработку двух строк из „Азбучной молитвы“:

¹⁵ Отличия касаются лишь 12-го стиха «Азбучной молитвы» и 12-го двустижия Азбуковника. Последний в соответствии с глаголическим алфавитом начинается с буквы «ѣ»: «Геоны и мя избави вечныя || и грозы и червь неусыпающа» (А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 13; цитаты из памятников даются в современной орфографии). Этот факт еще раз убеждает в том, что 12-я строка «Пролога о Христе» соответствовала глаголическому «гервь», а не какому-то третьему «И». Наконец, в «Азбуке покаяльной» один дистих на «Ш».

¹⁶ Это вызвало возражения лишь у В. И. Лукьяненко, по мнению которой «Азбука покаяльная» «по своему содержанию является вполне самостоятельным произведением; по-видимому, некоторые... черты, сблизжающие ее с „Молитвой Константина философа“ (с «Азбучной молитвой», — Э. З.), являются общими стилистическими особенностями для азбучных акростихов XII—XIII вв.» (В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря..., стр. 248). Однако сходство в выражениях обоих памятников слишком существенно, чтобы отрицать прямую зависимость одного от другого. К тому же эти «общие стилистические особенности» нигде более не проявляются.

¹⁷ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 4.

¹⁸ Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1616—1617; А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 263—265.

¹⁹ См.: А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 256—265.

²⁰ Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова. К изучению славянских азбучных стихов, стр. 47.

Село бо есть светильник жизни
Закон твой и свет стъзам». ²¹

Одновременно они допускают, что названное сходство могло явиться и следствием общности источника — Псалтыри (ср. Псалт., СХVIII, 105: «Слово твое — светильник ноге моей и свет стезе моей»). Однако можно было бы указать и на смысловую переключку этих двух памятников. «Пролог о Христе», как известно, это молитва о творческом вдохновении, возвеличивающая святую Троицу, которая способна даровать «пространо слово» «просящууму», «силу и мудрость» достойным, «херовьску мысль и ум» верующим в нее. Эта же тема весьма отчетливо звучит и в «азбуке» «Аз преже о госпде бозе начинаю вещати» (ср.: «Иже от божеских помышляют, глубоко им разум дастся. И на всяку мудрость помысл их простирается» ²² и т. д.). Ко всему прочему, в ней использовано изречение Григория Назианзина: 'Αρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιῶν Θεόν», ²³ отразившееся в «предисловии» к «Учительному евангелию», причем воспроизведено оно почти в том же виде, что и у Константина (ср.: «азбука» — «Добро бо и благодарно от бога начинати и кончати»; «предисловие» по списку ГИМ, Син., № 262, л. 3 — «Добро есть от бога начинати и до бога коньчавати»). Так что взаимозависимость этих двух акростихов отнюдь не невероятна.

Дошедшие до нас списки «Пролога о Христе» обнаруживают между собой различия, порой весьма существенные. В подавляющем большинстве случаев они порождены не сколько-нибудь осознанным стремлением к изменению копируемого текста, а невнимательностью или небрежностью писца, слабостью его памяти, возможно, шеткостью воспроизводимой рукописи и т. п. Накапливаясь, эти произвольные ошибки, замены одного-двух слов, одних грамматических форм другими приводили к значительной трансформации первоначального вида стихотворения, а проще говоря — к его порче. Именно о порче, а не о переработке «Азбучной молитвы» следует вести разговор, обращаясь к текстам, представленным списками Ундольского (ГБЛ, ф. 310, № 66), ²⁴ ОИДР (ГБЛ, ф. 205, № 1. 192) ²⁵ или же Воскресенским (ГИМ, собр. Воскресенского мон., № 103). В отношении этих последних, по-видимому, законен даже вопрос: не записаны ли они (или же их протографы) по памяти? Всякая переделка (а не искажение!) памятника предполагает целенаправленность работы ее исполнителя. Таковую целенаправленность, продиктованную желанием приспособить акростих епископа Константина к кириллице, мы установили, анализируя группу, представленную Троицким, Соловецкими, Волоколамскими и некоторыми другими родственными списками. ²⁶ Вполне сознательной обработке подвергнут текст «Пролога о Христе», помещенный в сборнике из коллекции графа А. С. Уварова, № 859. ²⁷ Автор переделки взял

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 58.

²³ Им открывается азбучный акростих Григория. Цит. по кн.: Е. Георгиев. Кирил и Методий, основоположники на славянские литературы, стр. 196.

²⁴ Ср.: К. Куев. Към въпроса за авторството на Азбучната молитва. — В кн.: Славистични студии. Сборник по случай V Международен славистичен конгрес в София. София, 1963, стр. 334.

²⁵ Ср.: К. Куев. Незвестни преписи от Азбучната молитва. — Език и литература, год. XXIV, кн. 1, София, 1969, стр. 74.

²⁶ См.: Э. Г. Зыков. Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности. — ТОДРА, т. XXVI, л., 1971, стр. 177—191.

²⁷ Сборник писан в России в XVII в. несколькими почерками (полууставом и скорописью). Ныне хранится в ГИМ (Увар., Q.859). Акростих, озаглавленный «Молитва Константина Философа, сотворена азбукою», на лл. 237 об.—238. Фототипи-

за основу один из списков 2-й редакции, близкий к Волоколамским спискам №№ 573 и 551. Переработка выполнена очень неискусной рукой, сделанные добавления не всегда уместны, в итоге истинный смысл произведения в какой-то степени затемнен. Для иллюстрации приводим начало акростиха:

Аз словом сим молюся богу о гресех своих:
 Боже, всея твари соделателю и зжителю бог,
 Видемя, невидемя всея твари господь бог.
 Господня духа послѣ живущаго на люди своя,
 Да вдохнет в сердце мое слово разумети умом
 и т. д.

Совершенно иную картину представляет переделка, читающаяся в рукописи Уваровского собрания, Q. 778.²⁸ В данном случае мы имеем дело в сущности с самостоятельным произведением, хотя в основание его и положено древнеболгарское стихотворение (опять же во второй редакции).²⁹

Неизвестный русский книжник коренным образом перестроил сочинение епископа Константина. Под его пером оно приобрело иную направленность, иное идейное наполнение. Центр внимания переносится на людские прегрешения, на необходимость искупления грехов, на божье милосердие. Автор переделки также просит «вдохнуть» в его сердце «слово». Но мольба эта играет подчиненную роль, являясь всего лишь подступом к основной теме произведения. Если для Константина «просто слово» (или, как бы мы сказали ныне, творческий заряд) — залог успеха в работе по составлению «Учительного евангелия» во имя просвещения «славянского племени», то русскому книжнику «слово благоугодно» необходимо в основном для того, чтобы его голос был услышан адресатом и ему (а вместе с тем и его единоверцам) было даровано «спасение» и «одоление на враги». К призывам ниспослать помощь и силу для борьбы с «супостатами», от которых «уныние же и скорби... бывают», автор возвращается неоднократно. Настойчиво утверждает и мысль о всеобщем грехопадении, о душевной гибели; книжник постоянно сбивается с первого лица единственного числа на множественное. В конце молитвы в благочестивые размышления и обращения к всевышнему органически вплетается уверение в богоизбранности Русской земли: «...хощет господь Рускую землю разпространити, а сосуды диавольския истощити...». Разумеется, во всех этих случаях авторская индивидуальность весьма ограничена, упомянутые мотивы неоригинальны, обычны для христианской гимнографии. В частности, автор переделки, по-видимому, взял кое-что для себя из «Ярославского азбуковника» и из акростиха «Аз преже о господе бозе начинаю вещати»; первый помещен в Уваровском сборнике рядом с его творением и, скорее всего, сопровождал переделку не только в нем, но и в рукописи, скопированной одним из писцов

чески воспроизведен К. Куевым в статье «Неизвестни преписи на Азбучната молитва» (стр. 81—82). Более подробную характеристику рукописи см.: Леонид, арх. Систематическое описание... IV, стр. 275—282.

²⁸ Сборник в четверть, писан скорописью XVII в., на 307 лл. (ГИМ, Увар., Q. 778). Состоит из четырех рукописей, писанных разными почерками и переплетенных вместе в новое время. Интересующий нас текст, озаглавленный «Молитва святого Константина мудраго Философа, сложена азбукою», занимает лл. 277—278 об. Он помещен в третьей рукописи, среди других «азбук» (в их числе «Ярославский азбуковник», «Аз есмь всему миру свет», «Аз наречеса Адам», «Аще кто красится целомудрием», «Аще видиши брань, уклонися, беги и не постой»). См.: Леонид, арх. Систематическое описание... т. IV, стр. 258—262.

²⁹ Наличие в рукописи описок («подоление» вместо «и одоление») и искажений (см. текст) говорит о том, что автором переделки не мог быть писец, изготовивший ее.

сборника. Однако взятые все вместе, эти мотивы невольно вынуждают искать объективные причины, побудившие русского книжника так кардинально перекроить древнеболгарское стихотворение. В связи с этим не имеем ли мы права с некоторой долей уверенности в своей правоте высказать предположение, что рассматриваемая переделка явилась в какой-то мере откликом на одну из ожесточенных богословских схваток XVII в.: либо на распри «ревнителей древлего благочестия» с никонианами в период церковной реформы, расколовшей русское общество, либо на знаменитый спор о пресуществлении святых даров? Определить точно время ее появления не представляется возможным. Но состав буквенного ряда, сопровождающего текст, позволяет как будто заключить, что она возникла в ту пору, когда так называемое второе южнославянское влияние было позади, т. е. не ранее середины—второй половины XVI в. Если же высказанное выше предположение будет принято, то в таком случае составление переделки отодвинется на столетие позже.

Затруднительно дать исчерпывающий ответ на вопрос, какое место занимает «Пролог о Христе» в утверждении в славянских литературах искusstвенного стихотворства. Несомненно, однако, что двенадцатисложник, легший в основание «Пролога», в начальной болгарской книжности получил известное распространение. Не бездумно следовал ритмической схеме «Азбучной молитвы» составитель «Похвалы царю Симеону», открывающей «Изборник 1073 года». Этому же размеру придерживались авторы «Прогласа к Евангелю» и «Ярославского азбукownika». Учитывая трагичность судьбы древнеболгарских памятников³⁰ и тот факт, что значительное число славянских акростихов до неузнаваемости испорчено переписчиками и начальный их облик трудно восстановим, следует, видимо, признать, что двенадцатисложный цезурованный стих был не таким уж «уникальным явлением». Поэтому заключение Л. И. Тимофеева, что даже в момент своего рождения эти произведения были «лишь графическим подражанием внешнему виду стихотворных строк («византийских образцов», — Э. З.), каждая из которых писалась отдельно и начиналась с большой буквы»,³¹ мягко говоря, поспешно. Не более оправдано и следующее суждение Л. И. Тимофеева — об отсутствии в них «ритма». Касательно «рифмы» исследователь прав, но рифма отнюдь не обязательный признак стиха. Ритм же стиха, как известно, создается повторением соизмеримых отрезков. Такие отрезки, содержащие по 12 слогов в каждом, наличествуют в упомянутых памятниках. Усилению ритма, по справедливому убеждению их авторов, должен был способствовать и «дополнительный ритмический определитель» — цезура. Как звучали эти стихи в живом исполнении, нам узнать, очевидно, не суждено; современная мерка к ним не подходит. Ясно одно: зачинатели славянской книжности стремились к наиболее полному освоению византийского литературного опыта.

Еще менее определены представления о стихотворстве киевского периода русской литературы. Не будем вдаваться в существо этого вопроса; современное состояние его разработки достаточно полно освещено в упоминавшейся статье А. М. Панченко. Автор статьи совершенно прав, утверждая мысль о несостоятельности взгляда, высказанного А. И. Соболевским, согласно которому русские писцы, копировавшие древнеболгар-

³⁰ См.: Э. Г. Зыков. Некоторые соображения об объеме и характере начальной болгарской литературы. — Ученые записки Карельского педагогического института, т. XVIII, Петрозаводск, 1967, стр. 68—75.

³¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 206.

ские стихотворения, не понимали, что имеют дело со стихами.³² Приведенные А. М. Панченко контраргументы вполне убедительны. Добавим лишь, что система знаков, обозначающих ритмический рисунок «Похвалы царю Симеону» в «Изборнике 1073 года» и «Пролога о Христе» в Синодальном списке «Учительного евангелия», графическое их оформление сохраняли силу именно потому, что русские книжники различали стихи и прозу, а не вследствие рабского подражания рукописи, которую они переписывали. Забвение представленной «Похвалой» и «Прологом» стихотворной формы³³ привело к тому, что тексты стали переписываться в сплошную строку, чему не могла воспрепятствовать даже «необходимость следовать каждой букве азбуки» в азбучных акrostихах.³⁴

В заключение заметим, что изучение отражения принципов, которыми руководствовался епископ Константин при создании «Пролога о Христе», в русской стихотворной практике старшей поры станет возможным тогда, когда сама эта практика будет более или менее основательно исследована. В нынешних же условиях любые суждения на сей счет не могут выйти за пределы очень шатких допущений и предположений. Публикуемый нами ниже текст русской переделки «Пролога о Христе» дается по рукописи ГИМ, собр. Уварова, Q.778.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молитва святого Константина, мудраго Философа, сложена азбукою ^а

л. 277

- А Аз словом сим молюся творцу своему и богу:
 Б Боже всеа твари, содетелю и зиждителю мой,
 В Видимыя и невидимыя всеа твари содетелю, небесныя и земныя,
 Г Господня духа послѣ ми животворящаго своего,
 Д Да вдохнет в сердце мое слово благоугодно; тебе, || богу моему, поработаю. л. 277 об.
 Е Еже будет во устех всем человеком благоугодно слово сие,
 Ж Живущих в заповедех господних.
 З Село бо есть поспешник, чающе от тебе, владыки, великия милости и будущаго воскресения.
 И Заповедие закона твоего господня сподоблюся «и» жизни вечныя.
 И Иже чают и чтут евангелския твоя божественныя учительныя словеса. Невниманию (так! — Э. З.) сердцу моему и всем человеком, верующым в тя.
 I I летит бо ныне словенскаго языка ^б племен ^в упование православныя христианскыя веры.
 К Ко крещению твоему вси обратшася, христиане вернии,
 Л Люди твои, господи, нарешися хотя.
 М Милости твоя, господи, прошу и молю: дай же ми отпущение грехов.
 Н Но мне, господи, многогрешному рабу своему, подаждь помощь и силу на враги.
 О О пресвятая и пречестная и всевятая Троице, преложи печаль на радость мою и настави мя на истинный путь ко спасению.
 П Просящему у тебе, всещедрого владыки, пищи душевныя на спасение и на утверждение сердец наших.
 Р Руце свои воздевающе || присно к тебе, владыко, вопиюще: помилуй мя, падшего. л. 278

³² А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 262 и сл.

³³ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1. Спб., 1900, стр. 3.

³⁴ Ср.: А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 262.

^а В ркп. текст в сплошную строку. В конце каждого стиха поставлена точка, реже — запятая. Начальные буквы стихов жирно наведены. Буквенный ряд расположен по полю. Текст приводится в современной графике, за исключением буквенного ояда и зачала стихов. Титла раскрыты. ^б Испр.; в ркп. языка. ^в Испр.; в ркп. племена; слово это как будто вообще лишнее.

- С Силу и мудрость у тебя хотяще восприяти, от тебе, владыки, дай же ми,
господи, помощ³ и одоленне⁴ на враги.
- Т Ты бо, господи, даеши свет всем изобилно,⁵ к тебе нелицемерно ся помолится.
- У Оуныние же и скорби от супостат бывают. Ты, владыко, царю, исцеляеши всех
прибегающих к твоему покрову.
- Ф Фараоновы мя злобы избави, владыко.
- Х Херувимскую песнь и ум подаждь ми, господи, славити тя, истиннаго бога.
- Щ Щте и сыне и святыи душе, утешителю всем верующым в тя.
- Ц Целомудренно начну пети и славити господа бога моего на всяко время
и на всяк час.
- Ч Чудеса твоя, господи, повем землям предивна зело многа.
- Ш Шествием обновил еси, владыко, всю землю,
- Щ Щедростию своею и милосердием неизглаголаным грехи вземляи всего мира.
- Ъ Ъблико тако похоте с небеси сойти и воплотися в деву Марию.
- Ы Ыавно, господи, сошед во ад, и узы окованных разруши, и прелесть
диаволскую погаси.
- Ѣ Ѣдин господь все сотвори, понеже силен.
- Ю Юн и стар есмь || наставляемь господним спасителным разумом.
- Я Якоже бо хошет господь Рускую землю разпространити, а сосуды диавольския
истоштити, а все совершил своим воскресением.
- Ѧ Ѧто отца послан бысть всю тварь обновити.
- Ѧ Ѧоздателью богу припадем, помолимся с верою.
- Ѧ Ѧаломским гласом да возопием: помилуй нас, владыко, погибших и недостойных
раб своих. Аминь.

^{3-д} Испр.; в ркп. подоление.

⁵ Испр.; в ркп. изобилно.